

Потерявшийся народ

В горах Таджикистана в полной изоляции живет несколько сотен человек, не желающих иметь ничего общего с современной цивилизацией.

Двадцать восьмого марта 1970 года грохот вертолетов разбудил жителей горных ущелий северного Таджикистана. Больше тысячи лет никто не тревожил этих людей: согдийцы, потомки древнего восточно-иранского народа, укрылись в недоступных горах в начале VIII века, оборвав практически все контакты с внешним миром. И сейчас в долине Зеравшана остались около двухсот человек, которые по-прежнему живут в своем диком микромире, неохотно впуская в него чужих...

«Ты сумасшедший, да? Куда едешь? Зачем едешь? Хочешь, чтобы в снег замерз совсем и весна тебе нашли, да?» — пузатый гаишник на блокпосту на выезде из Душанбе изо всех сил изображал искреннюю озабоченность моей судьбой, в уме прикидывая, сколько же с меня содрать за добровольную попытку самоубийства в горах. Еще вчера в Душанбе стояла липкая жара, солнце вызывающе висело в безоблачном небе, и отсюда, из долины, великолепно просматривались снежные макушки гор. Однако ночью прилетел циклон с ветром и ливнем. А дождь в долине — метель в горах....

Через перевалы

Чем выше в горы, тем гуще был снег. Анзобский перевал, казалось, мстил нам за то, что мы осмелились залезть на его ледяную лысину, где даже пешком пройти невозможно — кругом сплошной скользкий камень, покрытый снегом. На три метра впереди ничего не было видно — только стена из падающих белых хлопьев. Из снеговой тучи неожиданно возникал то чей-нибудь задний бампер, то какие-то люди с тяжелыми мешками за плечами. Трое молодых парней с огромными сине-красными полосатыми сумками почему-то привлекли внимание нашего водителя. Притормозив, он жестами пригласил их в машину. Двое залезли на заднее сиденье, один — в багажник: вместе со мной и моим проводником нас стало шестеро в тесной «Ниве». Я чувствовал себя неуютно в кабине с тремя неизвестными, но возражать не посмел: справа — пропасть, слева — скалы, ехать еще верных четыре часа, кругом метель и высота почти три пятьсот... За двести метров до блокпоста перед въездом в Айни троица деловито подхватила баулы и нырнула в кусты. Водитель подмигнул мне: «Как думаешь, чего у них в сумках-то было?» Если бы нас тормознул какой-нибудь патруль, сколько бы лет я получил за то, что в моей машине ехали несомненные наркокурьеры?

Семь утра. Холод, сырость и мертвая тишина на десятки километров вокруг. Силуэты моих спутников маячат где-то выше. Взобравшись на малюсенькую площадочку, я сел, сжался в комок, снял промокшие перчатки и попытался дыханием согреть свои пальцы. Проводник сдернул капюшон, снял шапку и вытер ей лицо. «Давай двигать дальше, а то замерзнем», — он поднялся, бесцеремонно повернулся ко мне спиной, закинул за плечи холщовую сумку и пошел, не сомневаясь, что и я поплетусь вслед...

Хозяева и гости

Их было шестеро. В тусклом свете луны низкорослые люди в халатах, стоявшие передо мной, производили странное впечатление. В глубине Зеравшанской долины, где кроме снега, ветра, льда и камней, казалось, ничего не было, они выглядели словно инопланетяне. Три женщины, двое мужчин и ребенок смотрели на меня с любопытством.

Приветливо улыбаясь, они лопотали: «Гударт! Гударт!» (на звук — согдийском наречии — это нечто вроде приглашения). Мужчины перенесли наши вещи в дом, целиком построенный из глины и булыжников. Обувь у порога все сняли, и я старался не подавать виду, что стоять в одних носках на глиняном полу насквозь промерзшей мазанки очень холодно. Но на пол тут же бросили охапку пестрых лоскутных одеял, ковры, толстые подушки, затопили «буржуйку». Одна из женщин принесла фарфоровый чайник с зеленым чаем и блюдо с шун — тонкими, почти прозрачными лепешками, смазанными вкусным домашним хнишда — овечьим маслом густого янтарного цвета. На кухне (сначала я принял ее за кладовую) специально для нас готовили ужин. Женщины, ловко орудуя полукруглыми ножами, резали большие куски теста на плоскую лапшу. В

закопченном, совершенно черном уже котле булькал жир, туда бросали длинные ленты лапши, потом в котле исчезли пряные приправы, чеснок, морковь, свежая козлятина. Дом наполнился восхитительным запахом. Кто-то принес керосиновую лампу и повесил ее на крюк. Чтобы разделить с нами трапезу, собрался весь кишлак — одиннадцать человек...

В неспешной беседе, передавая друг другу миски с едой и пиалы с чаем, мы провели два часа. Спать никто не собирался — здесь, похоже, всегда ложились поздно. Жители деревни говорили о чем-то своем, не докучая нас расспросами. Видимо, в этом было особое проявление такта горцев: гость пришел — его нужно обогреть, накормить, дать ему возможность отдохнуть. Потом он сам расскажет о себе.

Я сидел в углу, опираясь спиной на удобную, широкую, толстую подушку. На топчане была сложена аппаратура, причем даже под прочный алюминиевый штатив кто-то заботливо подложил мягкое одеяло. Я достал из кофра камеру — и все как по команде обернулись на меня. Воспользовавшись моментом, я попросил проводника наконец представить меня и спросить разрешения фотографировать.

Просьба вызвала замешательство: самый уважаемый среди присутствующих старик кивнул мне головой, но остальные начали отодвигаться подальше в тень. Я жестами стал просить всех оставаться на месте: дескать, не обращайтесь на меня внимания, нет меня здесь. Но не тут-то было... Двое встали, улыбнулись смущенно и, слегка поклонившись мне, покинули помещение. Не успел я и глазом моргнуть, как еще человек шесть засобирались по домам. Старик открыто посмеивался надо мной. Чтобы сохранить лицо, пришлось и мне выдавить из себя подобие улыбки. Проводник тревожно поглядывал в мою сторону. Я жестом успокоил его, по опыту зная, что в подобных ситуациях лучше не настаивать.

Затворники

Кишлак назывался Биддев, и в нем, как и повсюду в ущелье, не было ни электричества, ни газа, ни водопровода. Не было школы, детского сада и почты. Вместо этого: керосиновая лампа или лучина, а то и просто свет от очага, топят кизяком, вода — из колодцев (где они есть), а чаще — из ручья или водопада. Только в одном-единственном кишлаке есть генератор, который работает по праздничным дням: солярка здесь очень дорогая. Почту заменяют походы вниз, в долину, где есть базар и можно узнать новости. Я повидал достаточно диких мест, но это были в основном зоны либо военных действий, либо экономических катастроф. Здесь же я наблюдал пример самоизоляции целого народа, который сознательно вернулся к средневековому укладу, быту, культуре.

Всего двести человек проживают сегодня в дельте реки Ягноб (поэтому их еще называют ягнобцы), в четырех кишлаках, затерянных в ущельях на территории в 150 квадратных километров. От одного кишлака до другого — почти день пути, а некоторые из них — это пара глиняных мазанок, в которых живут три-четыре человека. В ущелье Бидонросак я нашел всего 14 жителей, укрывшихся за непроходимыми с ноября по март перевалами. Я пытался понять: почему эти люди отказались от возможности дать образование детям, получать медицинскую помощь, а вместо этого поселились на высоте четыре с лишним тысячи метров, где даже дышать трудно.

Геродот упоминает согдийцев в третьей книге своей «Истории». Он писал 2500 лет назад, но государство Согд существовало уже минимум четыре столетия. Главными центрами Согда были Бухара, Самарканд и Пенджикент. Согдийцы были искусными мастерами, отчаянными воинами и удачливыми торговцами. Они создали торговую сеть, охватывавшую всю Центральную Азию. Они воевали с Александром Македонским и сражались с тюрками-кочевниками. Но в начале VIII века Согд был завоеван арабами и вошел в состав халифата. Согдийцы, исповедовавшие одну из древнейших религий — зороастризм, были насильно обращены в ислам, храмы верховного божества Ахурамазды и пророка Заратуштры были разрушены. Государство Согд перестало существовать, но народ не исчез. Именно тогда несколько тысяч согдийцев скрылись от арабов в горах, сократив до минимума контакты с остальным миром. Так возникла маленькая изолированная страна со столицей — кишлаком под названием Пскон. Веками никто не беспокоил горцев: никому и в голову не могло прийти, что там, среди снега и голых скал, могут быть люди.

Назад в светлое будущее

Иноятулло Атовулоев наполнил крошечную пиалу зеленым чаем. За окном неслышно падал снег. Сугроб дорос почти до самого подоконника, что неудивительно: сам домишко Иноятулло был всего под два метра высотой вместе с плоской крышей, сложенной из плит песчаника. А снег все падал и падал в мертвой тишине, которую ни я, ни кто-либо другой из присутствующих не смели нарушить. Наконец старик произнес: «Я помню фамилию командира экипажа. Малахов была фамилия. Он был русский. Другие пилоты были таджики. Они

сказали, что какой-то ледник идет прямо на наш кишлак. Мы не поверили. Наш Пскон простоял на этом месте тысячу лет, и никаких лавин или других бед здесь не было – место для кишлака выбрали мудрые предки, которые знали, как строить дом в горах. Неделю вертолет стоял здесь. Люди, которые прилетели на нем, ходили по домам и уговаривали нас улететь с ними». Иноятулло умолк и долго смотрел в окно, а снег все падал и падал в глухой тишине гор.

Старец по имени Саидахмат продолжил рассказ: «Мы жили сами по себе. Никого не беспокоили, и к нам никто не лез. Иногда кто-нибудь спускался в долину, к нижним людям, чтобы продать скот, обменять наше хорошее масло на текстиль и керосин, послушать, о чем судачат люди там, внизу. Обычно это были тревожные новости: везде войны, грабежи и вообще беспокойная жизнь. Это укрепляло в нас мысль, что лучше, чем в Зеравшане, нигде не может быть. Наша жизнь – это молитва, работа, семья. Мы не знали алкоголя, табака и наркотиков. Мы не знали ни тракторов, ни вертолетов. Вот почему так были испуганы их грохотом наши женщины. Моя Зебо испугалась очень сильно. Насмерть...

...Люди из вертолета ходили из дома в дом всю неделю. Рассказывали, какая счастливая жизнь будет в «колхозе». Что это такое, мы не знали. Один из тех людей сказал, что он «коммунист» и что его зовут «член райкома товарищ Гясов». Он говорил, что скоро на всей земле наступит «коммунизм». Что всем будет хорошо, лучше, чем в раю. Показывал нам красную книжку с лысым человеком на обложке и говорил, что это «Ленин». Нам было все равно...

Мы не разговаривали с ними. Это было забавно: они часами что-то кричали, а мы не отвечали, будто они говорили с камнями. Мы просто доили коз и готовили пищу. Я надеялся, что незнакомцы сядут в свой железный вертолет и улетят в долину, а мы заколем пару овец и отпразднуем их уход, и все будут радоваться, как мудрые старики одурачили чужаков. Какими мы сами были дураками...

Наконец они стали злиться. Кто-то из них сказал что-то про «врагов народа». Я хорошо помню, как отец изменился в лице и прошептал, что, наверное, придется на время уйти в другой кишлак, к его брату. Потом рассказал, что слышал историю про «врагов народа» на базаре, лет 30 назад: какого-то муллу посадили в тюрьму на десять лет и даже запретили ему писать письма домой, потому что он был этим самым «врагом». Люди объяснили отцу, что муллу скорее всего казнили новые правители Таджикистана – «большевики».

На восьмой день пришли солдаты. Семь человек. У них были автоматы. Они были злые, потому что им не дали вертолет, как людям Малахова, и они шли к нам пешком через три перевала. Солдаты не стали нас уговаривать. Они просто врывались в дома, хватали вещи и тащили в вертолет. Люди бежали за ними, пытаясь отнять пожитки, но на улице их ловили и бросали в страшно ревущую железную машину. Выли собаки, плакали дети. Женщины кричали от страха. Одна из моих сестер, Зебо, внезапно обмякла и упала мне на руки, когда вертолет стал отрываться от земли. Ее лицо посинело, и она умерла у меня на руках. В колхозе потом сказали, что у нее разорвалось сердце. Так мы начали жизнь на новом месте с рытья первой могилы. К Новому году мы похоронили 700 человек, из них 400 – дети».

В колхозе

Иноятулло налил мне чаю и продолжил: «Мы не имели права покидать колхоз. наших детей сразу забрали в детский сад под предлогом заботы о работающих родителях. Потом их отправляли в советскую школу, где из них делали пионеров и комсомольцев. Молитва была под запретом. Мечетей не было. Все наши священные книги (одной было 600 лет) утопили в Ягнобе вертолетчики. Нам сказали, что эти книги – «пережиток феодализма», и ругались, что там не было ни слова по-русски. Одну-две мы успели спрятать. Вот этой – 190 лет, а вторая еще старше...»

Я касаюсь древних, пахнущих тленом страниц большой книги в кожаном переплете. Покрытая арабской вязью желтая бумага шелестит в руках. Кто-то сшивал воловьими жилами эти рассыпающиеся страницы, чтобы все до единой досталось следующим поколениям. А потом чья-то другая рука брезгливо бросила эту бесценную книгу в реку – так же, как в Мюнхене когда-то книги швыряли в костры ...

С советской точки зрения все, что сделали с этим народом, было совершенно нормально: выселяли же сотни тысяч литовцев в Сибирь, полтора миллиона чеченцев с ингушами в Казахстан и многие миллионы еще куда подальше – в Каракумы, за Урал, за Полярный круг... Подумаешь, переселили пять тысяч диких горцев в долину. Из средних веков да сразу в социализм – бух! Благое дело сделали! Эти чудачки и автобуса не видали в жизни, всю работу делали руками или на лошадях, а тут на тебе – тракторы, бульдозеры... Они счастья своего только по причине собственной отсталости не понимают! Жили в каких-то хибарах из глины, без водопровода, без газа, а в колхозе – горячая вода и газовые плиты. Кстати, чтобы кто-нибудь не вздумал

вернуться в горы, к своим примитивным хижинам, те на всякий случай взорвали. Динамитом. Взрывчатки не пожалели — только пыль полетела.

Иноятулло продолжал: «Никто никогда не считал, сколько согдийцев забрали на поля, где мы работали по колено в воде, в которую тоннами бросали удобрения. На жаре люди падали в эту воду и тонули. Моя жена Зарина несколько месяцев перед смертью была парализована. Русские врачи не брали с нас деньги за лечение, но не могли нам помочь. Когда я похоронил жену, то ушел на родину, в горы, и Аллах вернул мне силы. Аллах Акбар!» Все сидевшие в комнате хором повторили священные слова, руками обмыв бородатые лица.

Колхозная жизнь разделила народ на тех, кто родился до колхоза и уже в нем. Дети, появившиеся на свет в долине, в большинстве своем там и остались, привыкнув к электричеству и бесплатной медицине, отслужив в советской армии и выучив русский. Те же, кого притащили в «хлопковый рай» на вертолетах, так и остались душой в горах, надеясь, что когда-нибудь туда вернуться. Среди согдийской общины в колхозе ходила легенда о трех ягнобцах, сбежавших в горы и нашедших там только развалины древних кишлаков. Якобы за ними были посланы вертолеты, и в горах началась война трех храбрых горцев, вооруженных только древними ружьями, против всей военной авиации СССР. Была еще легенда о делегации ягнобцев, дошедших до Москвы, «до самого Суслова». И Суслов якобы подтвердил: оставаться на месте «до особого решения ЦК». Скорее всего, все это — выдумки КГБ, который хотел заставить горцев отказаться от всякой мысли о возвращении на родину...

Возвращение

И сразу после перестройки машина, удерживавшая в страхе народ, стала давать сбои. Ягнобцы засобирались домой. Разумеется, не все. Но несколько десятков ушли туда, откуда их вывезли под дулами автоматов 20 долгих лет назад. Они построили новые глиняные дома на месте разрушенных деревень, выкопали новые колодцы, стали рожать детей, для которых, как и прежде, вырезали игрушки из древесины горных деревьев и наряжали их пестрыми лоскутами домотканой материи.

Мечеть есть в каждом кишлаке, а мулла учит детей грамоте по двум уцелевшим книгам. При этом за древними зороастрийскими святынями тоже ухаживают. В каждом селении есть старейшина, следящий за порядком и соблюдением древних традиций. По всякому важному поводу собирается совет старейшин, который в этих местах и милиция, и суд. Несколько лет назад один из жителей деревни убил в ссоре троих. Убийцу не выдали властям: с ним поступили гораздо более жестоко. Все его имущество было передано родственникам убитых, а сам он изгнан из общины. Где он сейчас — никто не знает.

«Здесь нет проклятых хлопковых полей, здесь только чистые горы. Наши дети не курят папиросы, не пьют водку, не смотрят фильмы про людей, которых распиливают пополам и едят (очевидно, воспоминания о каком-то фильме ужасов). Здесь нет автомобилей, моторов, бензина, здесь только чистый воздух и чистая вода. Так жили наши предки. Мы хотим, чтобы все так осталось. Вы говорите, что мы не даем образования детям. Но чтобы получить образование, детей нужно отправить в долину. Какими они вернуться? Не станут ли они наркоманами или наркокурьерами, которые все чаще шныряют здесь?» ...

...Через несколько дней на таджикско-узбекской границе грузный майор пограничной службы Таджикистана допрашивал меня, что я делал в республике. Я честно признался в том, что был в Зеравшане, в том числе в кишлаке Пскон.

«Пскон? Никогда о таком не слышал».

Дмитрий Беляков

Автор: Артур Скальский © Еженедельный журнал GEO, РОССИЯ 2541 01.03.2003, 20:45

URL: <https://babr24.com/?ADE=6304> Bytes: 17066 / 17001 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)